

СПЕЦИФИКА ПРЕДМЕТА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

¹Волков А.А., ¹Назаров И.Н., ²Лукьянов А.С.

¹ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
Ставрополь, e-mail: mail@sspi.ru;

²ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Ставрополь, e-mail: klinpsych@mail.ru

В статье исследованы особенности определения специфики предметной области социально-психологического исследования с точки зрения парадигмы постнеклассической рациональности. Проведен анализ подходов к определению предмета социальной психологии с позиции классической, неклассической и постнеклассической науки. Показано, что критериями постнеклассического подхода выступают принцип детерминизма, описание и объяснение, принцип историзма, развития и относительности, «легализация субъективного опыта». На основе теоретического анализа выделены три подхода к определению предмета социально-психологического исследования, которые согласуются с типами рациональности – «чёткость границ» (классическая рациональность), «размытость границ» (неклассическая рациональность), «множественность предмета» (постнеклассическая рациональность). По мнению авторов, для постнеклассической парадигмы в психологии характерна многомерность мира и разных логик его исследования, повышенная рефлексия и чувствительность к контекстам, сетевая организация знания, недоконцептуализированность понятий, творчество в терминологии, междисциплинарный дискурс. Особое внимание уделяется при этом междисциплинарности как характеристике науки и как способу получения знания. На основании принципа эмпиризма утверждается, что предмет социально-психологического исследования определяется по его результатам.

Ключевые слова: предмет, социальная психология, социально-психологическое исследование, постнеклассическая рациональность, принцип, междисциплинарность

THE SPECIFICITY OF THE SUBJECT OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL RESEARCH THROUGH THE PRISM OF POST-NON-CLASSIC RATIONALITY

¹Volkov A.A., ¹Nazarov I.N., ²Lukyanov A.S.

¹GBOU VPO «The Stavropol state teacher training college», Stavropol, e-mail: mail@sspi.ru;

²FGAOU VPO «The North Caucasian federal university», Stavropol, e-mail: klinpsych@mail.ru

In article features of determination of specifics of subject domain of social and psychological research from the point of view of a paradigm of post-nonclassical rationality are investigated. The analysis of approaches to definition of a subject of social psychology from a position of classical, nonclassical and post-nonclassical science is carried out. It is shown that as criteria of post-nonclassical approach the principle of a determinism, the description and an explanation, the principle of historicism, development and relativity, «legalization of subjective experience» act. On the basis of the theoretical analysis three approaches to definition of a subject of social and psychological research which will be coordinated with rationality types – «the clearness of borders» (classical rationality), «blurring of borders» (nonclassical rationality), «plurality of a subject» (post-nonclassical rationality) are allocated. According to authors, for a post-nonclassical paradigm in psychology multidimensionality of the world and different the logician of his research, the raised reflection and sensitivity to contexts, the network organization of knowledge, a nedokontseptualizirovannost of concepts, creativity in terminology, an interdisciplinary discourse is characteristic. The special attention is paid, thus, to interdisciplinarity as the characteristic of science and as to a way of receiving knowledge. On the basis of the principle of empiricism it is claimed that the subject of social and psychological research is determined by its results.

Keywords: subject, social psychology, social-psychology research, post-non-classic rationality, principle, interdisciplinarity

Проблема определения предмета социально-психологического исследования не нова, но одновременно с этим до сих пор обсуждается в среде социальных психологов и методологов науки. Позиция «между» социологией и психологией обуславливает повышенную «чувствительность» социальной психологии к методологическому поиску и готовность к постоянной методологической саморефлексии, гораздо более выраженной, чем в любой другой области

психологического знания [4]. В настоящее время результаты этой рефлексии становятся востребованными не только ввиду их научного значения, но и в связи с возникающими в психологическом сообществе спорами о возможностях развития социальной психологии как самостоятельной научной дисциплины.

Проблема предмета конкретной психологической области знания является производной от общепсихологического положения

о том, что отечественную психологию всегда волновал вопрос о вторичности концептуального аппарата психологии, в котором практически невозможно обнаружить категорий, присущих только лишь психологии. Ибо все её важнейшие категории – субъект, деятельность, общение, группа, сознание (за исключением тавтологической категории психики) – принадлежат всем человековедческим дисциплинам и рождены за её пределами. Опасения и заботы ведущих психологов оправданы, ведь именно категории (категориальное ядро) в конечном счёте очерчивает контуры психической реальности в её целостности и тем самым фундируют предмет психологии.

Наконец, проблематика предмета современной науки неизбежно связана и определяется существующей научной парадигмой [3]. Так, в современном познании обсуждаются процессы изменения эпистемологической парадигмы: переход от классической и неклассической картины мира – к постнеклассическому типу рациональности, коммуникация (и конвергенция) естественнонаучной и гуманитарной парадигм, смена позитивистского стиля мышления – герменевтическим, системного способа организации знания – сетевым, ориентация научных исследований в целом на междисциплинарный дискурс.

Представляется, что рассмотрение предмета социально-психологического исследования с точки зрения парадигмы постнеклассической рациональности может быть основанием для обозначения специфики этого предмета.

К ключевым характеристикам постнеклассической рациональности, по М.С. Гусельцевой, относятся [5]: когнитивная сложность (онтологическая, гносеологическая сложность и уникальность) изучаемых явлений, сверхрефлексивность, «недоконцептуализированность» понятий; сочетание объяснения и описания (классическая рациональность) с принципами историзма, развития и относительности (неклассическая рациональность) и «легализации субъективного опыта», «легализации» воображения. В связи с этим признаками вступления науки в фазу постнеклассической рациональности выступают рост качественных исследований, расцвет междисциплинарных исследований, коммуникативность и сетевая организация знания. Мир в эпоху постнеклассической рациональности сознаётся как рукотворный; в способах его описания начинают превалировать

не каузальные связи, а смысловые, энергетические, синхронные и структурные. Кроме того, если в классическом и неклассическом типах рациональности было принято анализировать концепцию, помещая её в чёткую систему координат, то в постнеклассической рациональности наступила эпоха интерпретаций, которая разрушила границы и дала свободу трактовкам. Поверхности можно увидеть, но глубину следует уже интерпретировать.

Таким образом, постнеклассическая рациональность разделила «исторический факт» (в трактовке И. Канта это «вещь-в-себе») и его интерпретацию. В данном типе рациональности возросла именно интерпретативная составляющая, и это означает, что автор (интерпретатор) имеет как право на собственное видение, так и обязанность критической рефлексии, вменяющей ему понимание: да, так видит мир он, но, возможно, его видение не разделяют другие, и авторская интерпретация может быть как истинной, так и ложной.

Для психологии важнейшим последствием принятия постнеклассической парадигмы является признание её многопредметности, а значит, сосуществования множества теорий. Кроме того, обоснование постнеклассической картины мира как общей ситуации в науке предполагает, что любая психологическая школа может стать ведущей для определённого исследовательского контекста и определённой задачи.

Обозначенные особенности имеют принципиальное значение при анализе социально-психологической реальности и определении специфики предмета социально-психологического исследования [9].

Первым этапом становления социально-психической реальности со своим предметом, по мнению Е.П. Белинской, является совмещение социального и индивидуального пластов реальности для получения новой предметной области – социальной психологии [2]. Как отмечает Г.М. Андреева, определённая «инаковость» социальной психологии нередко ложно трактуется или как утрата своего предмета, как растворение её в других составных частях психологии или как низведение её до уровня прикладной дисциплины. Способ преодолеть подобные трактовки один – более пристальное знакомство с реальными идеями в социальной психологии [1]. В.П. Каширин отмечает, что в условиях нарастающей социальной потребности в социально-психологическом знании необходимо

современное, более обстоятельное и полное понимание объекта, предмета и проблематики социальной психологии [7].

Исходя из трёхэлементной метрики (классический, неклассический, постнеклассический) типов рациональности и на основании рефлексивного анализа литературы мы выделили с условными названиями три подхода к определению границ предметной области в социально-психологическом исследовании.

Первый подход – «чёткость границ», что представлено в социологии существованием жёсткой позиции на её предмет как комплекс социальных явлений, вытекающих из взаимодействия людей и общностей, их социальных связей и социальных отношений (в связи с этим изучаются социальные институты, социальные процессы и системы); в психологии – как жёсткая позиция о психике коллективного (группового) субъекта по аналогии и в совокупности с психикой индивидуального субъекта, то есть должны исследоваться психические свойства группы (темперамент, характер, способности), психические процессы группы (память, внимание, мышление), психические состояния группы (эмоциональная сфера, волевые характеристики). Надо сказать, что такое разделение – скорее идеальная модель, поскольку с трудом можно найти примеры социального, лишённого психологизма, и психологического, лишённого социологизма. Однако существует, на наш взгляд, принципиальный аргумент в пользу реального существования этого подхода – это хрестоматийный пример освоения социальной психологии двумя группами студентов у двух разных преподавателей (социолога и психолога), когда по окончании обучения выяснилось, что две группы студентов освоили «разную» социальную психологию. В этом смысле интуитивное представление конкретного исследователя (в данном примере – преподавателя) о специфике предмета – результат имеющихся чётких границ.

Этот подход, на наш взгляд, отражает классическую парадигму, поскольку здесь виден принцип причинности (как замыкание предмета на себе самом), объяснение и описание исследуемых феноменов и получаемых фактов в рамках определённой области.

Второй подход – «размытость границ», что представлено в социологии – психологизмом (методологический подход Г. Гарда, Ч. Кули, Дж. Мида, стремящимся объяснить социальные отношения и структуры на основе свойств челове-

ской психики), а в психологии – социологизмом (Г.М. Андреева, например, анализируя становление предмета социальной психологии, отмечает сосуществование двух социальных психологий – «социологической» социальной психологии и «психологической» социальной психологии). Здесь надо отметить, что размытость не означает междисциплинарность, а даже противопоставляется ей, поскольку предполагает вмешательство одной (любой) области знания в другую, некритическое обращение с имеющимся знанием и, как следствие, невозможность определить собственно предметность этого об-щего знания.

Этот подход, на наш взгляд, отражает неклассическую парадигму, поскольку здесь классическая рациональность сочетается с принципом относительности знания (внедрение в другую область знания может сделать факты, взятые у неё, перво-степенными), принципом развития (напр., структурно-функциональный анализ предполагает изучение феномена в динамике, в процессе реализации функций для дальнейшего описания структуры) и принципом историзма (факт изучается не просто сам по себе, но интересна история становления факта).

Третий подход – «множественность предмета». Этот подход, на наш взгляд, отражает парадигму постнеклассической рациональности (здесь – в первую очередь для социально-психологической реальности), поскольку предполагает следующее: многомерность мира и разных логик его исследования (различные методы исследования одной реальности), повышенную рефлексивность и чувствительность к контекстам, отмену иерархии знания и его сетевую организацию, идея неопределённости как связующая этапы развития любых систем [7], недооконченность понятий и творчество в терминологии, принцип «благоговения перед развитием», междисциплинарность в дискурсе [6].

Особое внимание при определении критериев постнеклассической рациональности традиционно уделяется междисциплинарности. Так, например, ещё Н.К. Михайловский отмечал, что психологизация социальных наук связана с пониманием потенциальной возможности исследования единого, междисциплинарного предмета знания о человеке [2].

А.Л. Журавлёв также подчёркивает, что междисциплинарность как критерий научного знания особое значение приобретает для социально-психологической

науки. Подход А.Л. Журавлёва к междисциплинарности может быть экстраполирован практически на любую или, в принципе на каждую (трудно подобрать исключение) науку, где есть обязательные внутренние процессы интеграции и дифференциации (внутренняя междисциплинарность, по Журавлёву), выход в метапредметность (внешняя междисциплинарность) и потенциал для взаимодействия фактов (внедисциплинарность) [10]. В связи с этим, на наш взгляд, «атрибутивная междисциплинарность» (термин А.Л. Журавлёва) психологии – скорее её видовая характеристика как науки, чем родовая как психологии. Однако так понимаемая междисциплинарность логически исключает собственное существование как феномена: она ничему не противопоставляется, ни из чего не выводится, чтобы обладать отличительной феноменологией, и не может предполагаться как принцип, поскольку сама собой разумеется, соответственно, является избыточной и лишней для науковедения в целом и конкретной науки в частности.

Потому мы полагаем, что междисциплинарность как особая науковедческая реальность существует в несколько ином виде: она представляет собой метод или способ получения фактов; она соотносится с уровнем исследования, а не с уровнем науки. В этом смысле любая наука междисциплинарна, но использование междисциплинарности как инструмента получения научного знания в конкретном исследовании характерно для этапа постнеклассической парадигмы.

Учитывая сказанное, представляется принципиальным понимание принципа эмпиричности предметной области исследования, который отражает суть общего предмета изучения, объединяющего различные направления по теоретическому его осмыслению; то есть важна не концепция предмета исследования, а возвращение к «началу», к эмпирике, к получаемым фактам до определения и «заведения» их в своеобразное «прокрустово ложе» названий, составляющих общий предмет элементов. В этом смысле эмпиричность предмета психологического исследования выступает основанием для того, чтобы считать этим предметом не заданное изначально некоторое поле явлений, подлежащее изучению, а результат этого изучения, итог конкретного исследования. Предмет формулируется не в начале исследования, а по его результатам. В этом смысле история науки – это история становление её предмета, в то время как становление

предмета исследования проходит более короткую историю и завершается формулировкой предмета по результатам исследования.

В заключение отметим следующий интересный факт. В.П. Каширин в своей недавней работе [7], ссылаясь на множество попыток определить предмет социально-психологического исследования и анализируя наиболее релевантные из них, всё же предлагает ещё один подход. В качестве объекта социальной психологии он выделил следующее: социальное и другое взаимодействие людей (как индивидов, так и их форм общностей); человека и различные формы социальных общностей как субъекты и объекты взаимодействия; личность в системе социальных и психологических связей и отношений; массовые социальные явления, процессы, движения, виды массовой деятельности, основные формы общественного сознания, различные субкультуры в обществе. Предметом же социальной психологии, по В.П. Каширину, выступают социально-психологические факты, процессы и явления, возникающие в вышеназванных объектах.

Интересным представляется этот факт потому, что, по нашему мнению, представленный подход (как и многие другие) очень условно можно назвать подходом с точными определениями. Но именно так, на наш взгляд, должно быть представлено понимание предмета социально-психологического исследования с точки зрения парадигмы постнеклассической рациональности. Так, исходя из обозначенного определения, множественность предмета и сетевая организация знания здесь достаточно очевидны, необходимость использования множества различных методов (для индивида и групп) и чувствительность к контекстам также не вызывают сомнения. Менее очевидны здесь междисциплинарность, недоконцептуализированность понятий и творчество в терминологии, но они, как это становится понятным из принципа эмпиричности предмета, характерны для процесса развития науки и для результата конкретного исследования [8].

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 363 с.
2. Белинская Е.П. У истоков социальной психологии: сравнительный анализ «психологии масс» Г. Лебона и концепции «героев и толпы» Н.К. Михайловского // Вестник Московского Университета. – Сер. 14. – Психология. – 2012. – № 1. – С. 9-18.

3. Goverdovskaja E.V. Ценностные ориентиры обновления содержания высшего профессионального образования на Северном Кавказе // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 1. – С. 61–67.
4. Гончаров В.Н. Политическая информация как социально-психологический феномен общения в системе общественного развития // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 2. – С. 97–103.
5. Гусельцева М.С. Методологическая «оптика» постнеклассической и неклассической рациональности // Журнал практического психолога. – 2009. – № 6. – С. 4–26.
6. Завершнева Е.Ю. Принципы неопределённости и дополнителности в квантовой механике и психологии // Вестник МГУ. – Сер. 14. – Психология. – 2001. – № 4. – С. 25–32.
7. Каширин В.П. Тренды современной науки: проблемное поле социально-психологических исследований // Акмеология. – 2015. – № 1 (52). – С. 50–56.
8. Колосова О.Ю. Использование социально-педагогических технологий в духовно-нравственном воспитании и развитии личности // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8–1. – С. 32–35.
9. Лобейко Ю.А. Педагогическое развитие в условиях современного профессионального образования: к постановке проблемы // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 43. – С. 220–223.
10. Лукьянов А.С. Границы предметной области психологического исследования при полидисциплинарном подходе // Прикладная психология и психоанализ: электронный научный журнал. – 2014. – Т. 2. URL: <http://ppip.idnk.ru>.
4. Goncharov V.N. Politicheskaja informacija kak socialno-psihologicheskij fenomen obshhenija v sisteme obshhestvennogo razvitija // Gumanitarnye i socialno-jekonomicheskie nauki. 2012. no. 2. pp. 97–103.
5. Guselceva M.S. Metodologicheskaja «optika» postneklassicheskoi i neklassicheskoi racionalnosti // Zhurnal prakticheskogo psihologa. 2009. no. 6. pp. 4–26.
6. Zavershneva E.Ju. Principy neopredeljonnosti i dopolnitelnosti v kvantovoj mehanike i psihologii // Vestnik MGU. Ser. 14. Psihologija. 2001. no. 4. pp. 25–32.
7. Kashirin V.P. Trendy sovremennoj nauki: problemnoe pole socialno-psihologicheskikh issledovanij // Akmeologija. 2015. no. 1 (52). pp. 50–56.
8. Kolosova O.Ju. Ispolzovanie socialno-pedagogicheskikh tehnologij v duhovno-nravstvennom vospitanii i razvitii lichnosti // Fundamentalnye issledovanija. 2011. no. 8–1. pp. 32–35.
9. Lobejko Ju.A. Pedagogicheskoe razvitie v uslovijah sovremennogo professionalnogo obrazovanija: k postanovke problemy // Sborniki konferencij NIC Sociosfera. 2014. no. 43. pp. 220–223.
10. Lukjanov A.S. Granicy predmetnoj oblasti psihologicheskogo issledovanija pri polidisciplinarnom podhode // Prikladnaja psihologija i psihoanaliz: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2014. T. 2. URL: <http://ppip.idnk.ru>.

Рецензенты:

Волоскова Н.Н., д.псх.н., профессор кафедры психологии социально-психологического факультета, Институт образования и социальных наук, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Соловьева О.В., д.псх.н., профессор кафедры дефектологии факультета образования Института образования и социальных наук, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

References

1. Andreeva G.M. Socialnaja psihologija. M.: Aspekt Press, 2012. 363 p.
2. Belinskaja E.P. U istokov socialnoj psihologii: sravnitelnyj analiz «psihologii mass» G. Lebona i koncepcii «geroev i tolpy» N.K. Mihajlovskogo // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 14. Psihologija. 2012. no. 1. pp. 9–18.
3. Goverdovskaja E.V. Cennostnye orientiry obnovenija soderzhanija vysshego professionalnogo obrazovanija na Severnom Kavkaze // Prepodavatel NHI vek. 2008. no. 1. pp. 61–67.